

ОПЕРАЦИЯ "РУДА"

Крупнейший советский иммунолог, вирусолог и микробиолог, действительный член Академии медицинских наук СССР Лев Александрович ЗИЛЬБЕР в последние годы жизни работал над книгой воспоминаний. Предлагаем читателям отрывок из этой книги, оставшейся недописанной. Наш номер журнала был в работе, когда пришло печальное известие о кончине Л. А. ЗИЛЬБЕРА. Редакция присоединяется ко всем организациям и лицам, выразившим соболезнование по поводу тяжелой утраты, понесенной советской наукой.

Телефонный звонок разбудил меня. Было около двух часов ночи.

-- Говорит секретарь народного комиссара здравоохранения. Народный комиссар просит вас немедленно приехать к нему. Машина уже выслана.

Я жил в Баку всего несколько месяцев. Без особого сожаления я оставил в 1929 году Москву, где заведовал отделением в Институте микробиологии Наркомздрава, директором которого был мой учитель, профессор Владимир Александрович Барыкин. Уже восемь лет я работал в этом институте. Накопились знания и опыт. Хотелось попытаться свои силы на изучении большой, сложной проблемы. Идей было много, а возможностей мало. Все отделение состояло из двух человек: меня и моей сотрудницы Елены Ивановны Воструховой.

Разладились и хорошие, дружеские в течение многих лет отношения с В. А. Барыкиным. Его теория иммунитета получала чувствительные удары со всех сторон. В моих экспериментах, которые вначале подтверждали ее, появлялось все большее количество опровергающих ее данных. Но В. А. не соглашался с ними, и они не печатались.

Эти и многие другие обстоятельства и побудили меня принять приглашение занять должность директора Азербайджанского института микробиологии. Одновременно я был выбран на кафедру микробиологии медицинского института.

Вместе со мной в Баку приехала и Е. И. Вострухова. Это был замечательный человек. Уже не первой молодости, одинокая, она всю себя отдавала научной работе. Очень добрая и вместе с тем строгая и требовательная к себе и другим, она готова была ставить, казалось бы, самые безрассудные опыты, чтобы подтвердить или отвергнуть идеи, в изобилии беспокоившие мою голову. В ее одежде никогда не было никаких других цветов, кроме черного и белого. Молчаливая и сосредоточенная, она производила впечатление монахини.

В Баку встретили меня очень приветливо. Небольшой сравнительно институт микробиологии оказался вполне прилично по тогдашнему времени оборудованным благодаря энергии моего предшественника проф. П. Ф. Здродовского. Им же были подготовлены несколько вполне квалифицированных специалистов. Хотя почти все они были старше меня (мне было 35 лет), у нас установились хорошие, деловые отношения. Можно было развернуть большую работу.

Баку в то время был городом поразительных контрастов и странностей. Новенькие вагоны только что построенной электрической железной дороги отходили на нефтяные промыслы от вокзала, пройти в который можно было только через толпу нищих. Выставляя напоказ голые руки и ноги, покрытые страшными, кровоточащими язвами, или культы ног или рук, завернутые в грязные рубища, они гнусавыми голосами просили подаяния. Я видел подобную картину много лет спустя в Индии.

К вокзалу часто подходили верблюды, со спин которых снимали кладь, отправляемую дальше по железной дороге. Эти спокойные и неповоротливые животные и идущие рядом новенькие, веселые

вагончики электрички как бы символизировали прошлое и настоящее Баку. Всю зиму продавали на улицах цветы. По городу ходили амбалы с большими жбанами на спине. Они предлагали свой товар -- керосин и воду. Рояли, если нужно было переместить их из дома в дом, носили на плечах. Пять человек легко несли рояль из одной части города в другую.

В городе было много мух и... ящериц. Из окна моей квартиры была видна стена соседнего дома. Когда она освещалась солнцем, на ней появлялись ящерицы. Они медленно ползали, иногда чуть подрагивая хвостами, и я тщетно пытался уловить какую-либо закономерность в их ленивых передвижениях.

Женщины ходили с открытыми лицами. Впрочем, даже студентки медфака так обильно пудрились, что стол, покрытый зеленым сукном, за которым я их экзаменовал, после экзамена становился серым.

Почти одновременно со мной в Бакинский мединститут на кафедру тропической медицины был приглашен профессор Петр Петрович Попов. Ему тоже дали хорошую квартиру, этажом ниже. К этому времени у меня была домработница, прекрасная повариха, бывшая до революции экономкой в одном из богатых домов Баку. Я предложил П. П. вместе обедать. Это были чудесные обеды. П. П. оказался очень интересным человеком. Большой эрудит во всех естественных науках, он много интересного рассказывал о самых разнообразных животных и еще более интересное о своей жизни. Попав в плен к немцам в первую мировую войну, он служил затем врачом на океанском лайнере и изъездил весь мир. Было о чем рассказать. Мы сидели за столом часами, и я с глубочайшим вниманием слушал его неторопливое повествование, полное интереснейших эпизодов, ярких образов, неожиданных сравнений.

Так сложилась моя жизнь в Баку, когда ночью разбудил меня телефонный звонок наркома.

-- У нас несчастье, Лев Александрович, в Гадруте чума. Вот телеграмма. Телеграфирует военный врач Марголин. Подозрительные заболевания в других пунктах. Положение серьезное. Нужно немедленно выезжать. В шесть часов утра отправится специальный состав. Вам надо успеть к этому времени организовать бактериологический отряд. Вызовите срочно нужных сотрудников и соберите оборудование. С вами поедет профессор Широкогоров. Он патологоанатом, поможет установить точный диагноз. Все, что нужно, вам будет немедленно предоставлено. -- Он вдруг замолчал и задумался.

-- Но, возможно, это и не чума. Не может быть, чтобы на нашей замечательной земле завелась такая гадость! -- Вот что еще, -- прибавил он, -- во всех донесениях пишите "руда" вместо "чума". Не надо, чтоб об этом знали.

К шести часам утра нужно было собраться и уехать. Я был в отчаянии. Дело в том, что с поездом из Москвы в девять часов должна была приехать врач-бактериолог Вера Николаевна, которую я надеялся переманить на работу в Баку и которая согласилась приехать посмотреть наш институт после многомесячных моих просьб. Я очень ждал ее, и букет цветов уже был приготовлен для ее встречи. Конечно, об этом теперь не могло быть и речи. До отъезда оставалось три с половиной часа. Вернувшись в институт, я тут же послал за сотрудниками. К счастью, у меня как директора института было два парных выезда -- в одном кони были серые в яблоках, в другом- вороные. Зеленая сетка от концов оглоблей до экипажа защищала седоков от грязи из-под копыт.

Сотрудники быстро собрались, и началась упаковка. Трудный разговор предстоял с Еленой Ивановной.

-- Елена Ивановна, очень большая к вам просьба. Вы, конечно, знаете Веру Николаевну. Так вот, она приезжает сегодня в Баку. Встретьте ее, объясните ей ситуацию. Передайте ей это письмецо, где я прошу ее приехать в Гадрут. Она хороший бактериолог и может быть нам полезна. Если она согласится, сразу же выезжайте вместе с ней. Можно вас просить обо всем этом? -- Ах, Лев Александрович, поистине жизнь непроходимо сложна! Я думала ехать с вами. Но если вам это нужно, я останусь и встречу Веру Николаевну. -- Слово "вам" было подчеркнуто и голосом и выражением лица.

Чума в то время была уже хорошо изучена. Были известны и свойства возбудителя и пути его распространения. Но эффективного лечения не существовало, и все больные легочной чумой погибали так же, как и в средние века, когда чумные эпидемии охватывали целые страны и уносили сотни тысяч жертв. Легочная чума -- это воспаление легких, вызванное чумным микробом. При дыхании больного чумные микробы выносятся наружу током воздуха к заражают все окружающее -- и людей и предметы.

Последняя крупная вспышка легочной чумы была в Маньчжурии в 1910 году, когда погибло 55 тысяч человек. Ликвидацией этой вспышки руководил наш знаменитый эпидемиолог Д. К. Заболотный. Я часто встречался с ним при своих поездках в Ленинград и на различных совещаниях. Он очень дружески относился ко мне и подарил два больших тома -- отчет о маньчжурской чуме. Я советовался с ним, ехать ли мне в Баку. Он сказал:

-- Все у вас там будет, резонанса не будет. А без резонанса трудно работать. Никто не станет возражать, спорить. -- Он улыбнулся. -- А ведь поспорить-то вы любите.

Не раз я потом вспоминал его слова.

Бубонная чума проявляется главным образом воспалением лимфатических узлов. Умирает сорок -- пятьдесят процентов заболевших. Она гораздо менее контагиозна, чем легочная. Очень заразен гной, который образуется в пораженных узлах. Обе формы чумы могут переноситься блохами. При бубонной чуме поражаются и внутренние органы и иногда легкие, и тогда больной становится так же опасен, как и больной легочной чумой. Существуют и другие формы чумы.

Все это было мне прекрасно известно. Но никакого практического опыта борьбы с чумой у меня не было, и я никогда в жизни не выделял чумных культур.

Том большого немецкого исследования о чуме и два тома Д. К. Заболотного были положены в чемодан. Всю дорогу я штудировал эти книги, они очень помогли мне в последующей работе.

Гадрут стоит в стороне от железной дороги, и нам пришлось ехать на лошадях. Была зима, январь, но без снега, и только окрестные горы высились в снеговых шапках. Перед въездом в Гадрут развеялся черный флаг. Улицы селения были пусты.

Мы разместились в школе, где занятия были прекращены. Немедленно установили связь с местными властями и оставшимся в живых персоналом больницы. Выяснилось следующее- Первым заболел юноша лет семнадцати. Думали, что это -- воспаление легких. За несколько дней до болезни он застрелил какого-то грызуна и снял с него шкурку. Юношу положили в общую палату в гадрутскую больницу. Вскоре заболели больные, лежащие на соседних койках, затем фельдшер и санитар, а несколько дней спустя и главный врач больницы доктор М. К. Худяков; он давно уже работал в Гадруте и пользовался там всеобщей любовью и уважением. У всех больных диагностировалось воспаление легких, но отмечалось, что мокрота была кровянистой, что почти всегда бывает при легочной чуме и очень редко при обычном воспалении легких. Но о чуме никто и не думал.

Когда заболел доктор Худяков, к нему позвали военного врача Марголина из стоявшей неподалеку от Гадрута воинской части. Молодой врач, работавший всего только три или четыре года, он, однако, распознал, что Худяков болен чумой, и дал об этом телеграмму в Баку.

Были больные и среди населения Гадрута, не связанные с больницей.

Первейшая задача состояла в том, чтобы изолировать всех больных, затем -- всех, имевших контакт с ними (первичный контакт), а также имевших контакт с этими последними (вторичный контакт).

К этой работе мы немедленно и приступили. Были посланы врачи в другие селения, чтобы выяснить обстановку и принять нужные меры.

Один больной умер в день нашего прибытия, и я просил профессора Широкого вскрыть его. Когда он и его сотрудники приготовили все необходимое для вскрытия, выяснилось, что они забыли взять с собой резиновые перчатки. У меня их тоже было немного (тогда это была вещь дефицитная), я

отдал эти перчатки им, оставив себе только одну пару. Просил прислать мне материал (кусочки легких и лимфатических узлов) для бактериологического исследования немедленно после вскрытия.

Материал был прислан через несколько часов. К этому времени мы уже распаковали все бактериологическое оборудование, и можно было начать исследование. Хорошо, что я оставил себе пару резиновых перчаток. Стеклообразные чашки с крышками, в которых были помещены кусочки легкого, завернули в бумагу, и вся она оказалась испачканной чумной кровью. Не очень-то было бы приятно развешивать эти чашки голыми руками!

В сделанных мазках из ткани легких обнаруживалось большое количество бактерий, точно соответствующих описанию и фотографиям чумной бациллы, -- небольшие палочки как бы со щелью в средней части.

Но микроскопического исследования недостаточно. Ведь существуют и другие бактерии, очень похожие по внешнему виду на чумную.

Необходимо было из присланного материала выделить чумную культуру. Для этого нужно было сделать посева на питательные среды и заразить морских свинок. Без помощника сделать это невозможно. Я позвал своего сотрудника, молодого бактериолога, всего год работавшего в институте. Но как быть с перчатками? Ведь их только одна пара. Конечно, я их отдам помощнику. Но стоит ли рисковать из-за выделения культуры?

А вдруг больше не будет больных, и тогда мы вернемся в Баку без культуры! Но это позор для бактериолога -- вернуться с чумной вспышки без культуры. Много лет назад В. А. Барыкин, изучая чумные вспышки на востоке нашей страны, высказал весьма обоснованно предположение о том, что степные грызуны-тарбаганы болеют чумой и являются важным фактором в ее распространении. Однако он не выделил из них чумной культуры, и ему не поверили. Позже это сделал Д. К. Заболотный, и все лавры достались ему.

Нет, культуру необходимо было выделить. Я отдал перчатки помощнику, поставил рядом с собою таз с раствором сулемы (она убивает бактерии, в том числе и чумные), и мы заразили свинок. Во время этой работы я несколько раз опускал голые руки в этот сулемовый раствор.

Свинки заболели в положенное время. Культура была выделена как из посевов легких, так и из свинок. Диагноз не вызывал сомнений: чума!

Последующие дни прошли в напряженной работе. Прежде всего необходимо было выявить всех больных. Это можно было сделать только поголовным осмотром всех жителей в их жилищах, так как больных скрывали. Но население в большинстве не говорило по-русски, и для этой работы пришлось привлечь местный партийный и комсомольский актив, предварительно проверив каждого, не было ли контакта с больными. Для чумного барака отвели специальное здание. Все больные, еще находившиеся в больнице, были оттуда вывезены и изолированы. Здание больницы тщательно продезинфицировали. Были изолированы также все родственники чумных больных и лица, бывшие с ними в контакте. Все эти и другие мероприятия удалось провести в Гадруте очень быстро и организованно. Хуже обстояло дело в трех других селениях. У меня не было ни одного врача, которому можно было бы поручить проведение нужных мероприятий с уверенностью, что все будет сделано должным образом. Я дал телеграмму наркому здравоохранения с просьбой выслать опытных чумологов. Вскоре приехали профессор Сукнев из Саратова и доктор Тинкер из Ростова -- крупные специалисты, которые оказали существенную помощь в ликвидации чумы в селениях около Гадрута.

Елена Ивановна и Вера Николаевна приехали вслед за нами и целиком обеспечили бактериологическую работу. Прошло четыре дня, Весь наш отряд собрался вечером, чтобы подвести итоги дня и уточнить план на завтра, как мы это делали ежедневно. Мы собирались в большой комнате школы, где, по-видимому, происходили занятия военного кружка -- на стене были развешаны части винтовок и револьверов, схемы, мишени, противогазы и прочее.

Вдруг раздался резкий стук в дверь, и, не ожидая ответа, в комнату вошел молодой военный врач. Он огляделся и неверным шагом, шатаясь, направился к столу, за которым я сидел. Его лицо было темное, в глазах -- страдание. Он подошел к столу и оперся о него рукой.

-- Я Марголин, я заболел чумой, -- еле слышно сказал он, и тут же его вырвало, и он упал. Рвота ударилась о стол и обрызгала меня и окружающих. Я быстро сорвал со стены противогаз, надел его и наклонился над лежащим на полу Марголиным. Он был без сознания, потемневшее лицо, запавшие глаза, очень частый пульс, хриплое, частое дыхание.

Санитары положили его на носилки, я закрыл ему лицо марлей, и его понесли в чумной барак.

Доктору Марголину я позвонил, как только мы прибыли в Гадрут. Воинская часть, где он служил, стояла неподалеку. Он сказал мне, что чувствует себя хорошо, и рассказал о болезни доктора Худякова и других. По-видимому, первый заболевший юноша забил чумного грызуна и заболел бубонной формой, которая осложнилась воспалением легких, что часто случается зимой. Доктор Худяков поставил диагноз крупозного воспаления легких и положил его в общую палату. Эта ошибка стоила жизни ему и другим.

Я просил Марголина самоизолироваться, никуда не выходить из комнаты и дважды в день измерять температуру. В случае повышения сразу сообщить мне. Три дня он не давал о себе знать и вот теперь уже больным пришел к нам.

Я немедленно позвонил командиру части. Просил провести дезинфекцию в комнате Марголина, запереть ее, изолировать всех, с кем он соприкасался последние дни, и взять их под медицинское наблюдение.

Командир сказал мне, что Марголин последние дни не выходил из своей комнаты, никого не пускал к себе и переговаривался через дверь.

Командир сообщил мне также, что Марголин, уходя из части, оставил письмо секретарю партийной организации. На следующий день он прислал мне это письмо. Вот его текст:

Дорогие товарищи!

Кажется, начинается. Температура 39,5. Ухожу отсюда, чтобы не заразить окружающих. Иду умирать спокойно, так как знаю, что другого исхода не бывает. Оставайтесь бодрыми и здоровыми строителями социалистического общества. Прощайте.

Лев Марголин.

История изучения инфекционных заболеваний в России знает много случаев героического поведения врачей. Г. Н. Минх, О. О. Мочутковский и И. И. Мечников прививали себе возвратный тиф, чтобы изучить это заболевание. Е. И. Марциновский привил себе пендинскую язву. Доктор Деминский, заразившись чумой от подопытного суслика, телеграфировал начальнику экспедиции: "Я заразился от сусликов легочной чумой. Приезжайте, возьмите добытые культуры, записи все в порядке. Остальное расскажет лаборатория. Труп мой вскройте, как случай экспериментального заражения человека от суслика".

Но это были зрелые люди, уже знавшие жизнь. Марголину же только исполнилось двадцать четыре года. Сколько нужно было ему мужества и силы воли, чтобы с высокой температурой, убегающим сознанием, зная о близкой смерти, пройти эти мучительные три километра до больницы, чтобы не заразить товарищей.

Марголину было влито максимальное количество противочумной сыворотки, медперсонал дежурил у его кровати круглосуточно, делалось все возможное, чтобы спасти его.

Через сорок часов он умер. Умирал он тяжело. Когда возвращалось сознание, задыхаясь, он кричал "мама". Но кто же легко умирает в двадцать четыре года!

При легочной чуме обычно вымирают семьями. Происходит это потому, что первый заболевший изолируется не сразу и успевает заразить всю семью.

Подобная картина наблюдалась и в Гадруте, и только в редких случаях оставались здоровыми дети, вероятно, потому, что большую часть времени проводили вне дома.

У всех заболевших была типичная легочная чума, и все они погибли. Но врачи, работавшие в чумном бараке, обнаружили у некоторых больных, наряду с типичной легочной чумой, также воспаление подчелюстных лимфатических узлов. Микроскопическое исследование показало наличие в этих бубонах массы чумных бактерий. Подобные случаи раньше не описывались. Можно было предполагать, что больной был укушен чумной блохой в щеку или шею -- в этом случае могли бы образоваться подчелюстные бубоны. Но трудно было допустить, что блохи в Гадруте кусали только в щеки.

Мы регистрировали эти факты, но объяснить их не могли. Да за массой организационной работы не было времени и думать об этом.

Как-то поздно вечером ко мне на квартиру зашел уполномоченный НКВД. Я жил в небольшой комнатке недалеко от школы.

-- У меня к вам серьезный разговор, профессор, -- сказал он, садясь по моему приглашению на единственный, стул. -- Дело в следующем. У нас получены весьма достоверные сведения, что здесь орудуют диверсанты, переброшенные из-за рубежа. Они вскрывают чумные трупы, вырезают сердце и печень и этими кусочками распространяют заразу. Эти сведения совершенно точны, -- сказал он еще раз, заметив недоверие на моем лице. -- Вы знаете, товарищ, -- отвечал я, -- чумной микроб очень легко выращивается на питательных средах. За несколько дней можно получить в лаборатории такое громадное количество этих микробов, что их хватило бы для заражения сотен тысяч людей. Зачем же диверсантам вырезать органы из трупов? Вероятно, те, кто послал их, могли бы иметь чумные культуры. -- Не стоит обсуждать эти вопросы, необходимо убедиться, целы ли уже захороненные трупы. Можете вы немедленно организовать вскрытие могил и осмотр всех захоронений? Придется делать это тайно, ночью, потому что население будет считать это осквернением могил и могут начаться волнения.

Я отвечал, что через час все будет приготовлено, кроме лопат и лома, которых у меня нет.

Мы условились, что через час он подойдет к зданию школы вместе с пятью вооруженными красноармейцами (для охраны, как он сказал, на всякий случай) с лопатами и прочим.

Все это казалось мне какой-то фантастикой. Ведь диверсанты, которые вскрывали трупы и вырезали сердце и печень, неминуемо должны были сами заразиться чумой, если только они не были бактериологами или врачами, знающими, как предохранить себя от заражения. Откуда они могли знать, что здесь будет чума? Если они сами внесли ее, то это могло быть сделано чумной культурой. Значит, они ее имели, и тогда им незачем было, рискуя жизнью, вскрывать трупы. Нет, тут что-то не так!

Все эти мысли проносились в голове, пока мы готовили наш небольшой отряд.

Уполномоченный НКВД был единственный представитель центральных органов власти Азербайджана, который находился непосредственно в чумном очаге (уполномоченные Наркомздрава и АзЦИКа остались на железнодорожной станции и без конца беспокоили нас требованиями о представлении всяких сводок). Мне неоднократно приходилось обращаться к нему за помощью по многим делам, связанным с развертыванием противочумной работы, и он всегда весьма оперативно помогал нам. Он производил впечатление умного и серьезного человека. Неужели он верил в эту казавшуюся мне совершенно фантастической историю?

На кладбище было тихо и темно. Фонарь "летучая мышь", который мы взяли с собой, тускло освещал небольшое пространство. Мы заслонили его со стороны селения, чтобы оттуда не был виден огонь на кладбище. Земля еще чуть замерзла, и лом не понадобился. Захоронение было совсем неглубокое, и вскоре показалась крышка гроба. В это время луна вышла из-за туч, и стало совсем светло. В гробу лежала средних лет женщина. Сбоку и в ногах были полусгнившие фрукты и еще какая-то пища.

Женщина была одета в кофту и юбку, и не было никаких признаков, что кто-либо нарушил покой этого захоронения.

-- Как будто все благополучно, -- обратился я к уполномоченному. -- Нужно расстегнуть кофту, посмотреть грудь и живот, -- ответил он очень сухо и как-то отрывисто.

Расстегнули кофту, разрезали юбку, рубашку. Худое тело, уже тронутое тлением, было цело. От нестерпимого трупного запаха тошнило.

Я отошел в сторону, чтобы подышать свежим воздухом. Луна освещала странную картину. Какие-то существа в резиновых сапогах и перчатках, в белых халатах, в очках, плотно закрывавших глазницы, в марлевых повязках, закрывающих рот и нос, наклонившись над могилой, спускали в нее крышку гроба. В переливчатом лунном свете все это казалось какой-то дикой фантазмагорией.

При вскрытии следующего захоронения наблюдалась та же картина. Труп был целый.

Приступили к третьему захоронению. Луна в это время опять скрылась, и мы вновь пустили в ход нашу "летучую мышь". Как только подняли крышку гроба, у всех вырвался возглас изумления. Голова трупа была отделена от туловища и лежала с наклоном набок. Одежда разрезана. Грудь вскрыта, сердца не было. Живот тоже был вскрыт, и печени мы не нашли. Нижняя губа у отрезанной головы была как-то странно опущена. Это было какое-то подобие улыбки на этом покрытом синими, почти черными пятнами, с рыжей бородкой лице. Голова точно смеялась над всеми нами.

Никто не проронил ни слова.

Приступили к следующему захоронению.

Из десяти вскрытых за эту ночь могил в трех были найдены трупы с отрезанными головами, без сердца и печени. Это было страшно. Страшно не только своей необыкновенностью, но и тяжелейшими последствиями. Чумной микроб, высушенный в тканях, может годами оставаться живым. Если кусочки чумных органов остались у населения, то как их найти, чтобы обезвредить? И как ликвидировать подобную вспышку? Ничего подобного не знала история чумных эпидемий во всем мире. Ни в одном учебнике не было нужных рецептов.

Я не спал всю ночь. Одни планы сменялись другими, критиковались, отвергались. Под утро наметилась система мер, которая показалась целесообразной. Я телеграфировал об этих мерах наркому здравоохранения. Через несколько часов я был вызван телеграммой в Баку на заседание Совнаркома для доклада.

Мой план состоял в следующем.

1. Весь район заболеваний должен быть оцеплен войсками, чтобы воспрепятствовать выходу из района кого-либо, кто мог бы унести кусочки чумных органов.
2. Все трупы должны быть сожжены.
3. Для всего населения района должны быть присланы утепленные палатки и полный комплект одежды, начиная с белья и кончая обувью и верхней одеждой.
4. Все население должно быть раздето донага, переодето в казенную одежду и переведено из своих жилищ в палатки. Это должно быть сделано под строгим контролем, чтобы никто не мог захватить в новую одежду кусочки чумных тканей, если они имеются. Вся собственная одежда должна остаться в жилищах.
5. При этом переселении должны строго соблюдаться правила изоляции лиц первичного и вторичного контакта с чумными больными.
6. В район эпидемии должны быть направлены химические команды, которые должны подвергнуть тщательной дезинфекции хлорпикрином все строения района. Хлорпикрин -- одно из лучших дезинфицирующих средств при чуме: он убивает чумного микроба, блох и грызунов, уничтожая таким образом всю цепь, по которой инфекция может попасть человеку.

7. Должны быть присланы в район эпидемии врачебно-питательные отряды.

На заседании Совнаркома эти предложения подверглись подробному обсуждению и были приняты.

На этом заседании, между прочим, начальник азербайджанского НКВД очень упрекал министра здравоохранения за неудачную шифровку.

-- Я за последние дни, -- сказал он, -- задержал из Баку сотни телеграмм о том, что у вас тут эта "руда". Уж если врать, так надо с толком. Неужели вы думаете, что в таком городе, как Баку, могут остаться незамеченными ночные сборы и отъезд директора института микробиологии и сотрудников?

Однако "руда" продолжала фигурировать во всех документах.

Я вернулся в Гадрут и приступил к организации сожжения чумных трупов.

Случилось так, что в траншее, где сжигались трупы, на самый верх попал труп доктора Худякова. Когда дрова разгорелись и клубы дыма и огня стали вырываться из траншеи, вдруг одна рука Худякова поднялась, постояла какую-то долю секунды и упала. Эта черная от дыма и копоти рука резко выделялась на белом фоне заснеженных гор.

Мои санитары, набранные из местного населения, категорически отказались принимать дальнейшее участие в сожжении трупов.

-- Доктор Худяков грозил нам, ты сам видел, зачем заставляешь худое дело делать?-- говорили они, и все мои объяснения, что рука поднялась потому, что мышцы сократились от тепла, никак не принимались. К вечеру они напились -- заставить их продолжать работу оказалось невозможно.

Решения Совнаркома выполнялись весьма оперативно. Было прислано много врачей и другого персонала. Химические команды столь тщательно выполнили свое задание, что загубили всю зелень около дезинфицируемых домов. Занятый по горло всей этой работой, я почти не думал о "диверсионной" природе эпидемии. Но когда вспоминал, не находил покоя. Факт, казалось, был несомненным. Трупы вскрывались, и органы из них исчезли. Но никаких диверсантов поймать не удалось.

Были проверены списки всех заболевших, чтобы выяснить, нет ли среди них посторонних, не живущих в Гадруте людей. Однако все заболевшие были жителями Гадрута. То же оказалось и в других селениях, где были заболевания.

Что за таинственная история!

Разгадка пришла совершенно неожиданно.

Я довольно регулярно посещал другие селения, в которых были больные, чтобы следить за проведением противоэпидемических мероприятий. Нужно признаться,

что эти поездки были для меня весьма привлекательны. В Горном Карабахе любят лошадей, и местное начальство дало нам для чумного отряда превосходных верховых скакунов. Мне достался чудесный конь с великолепной крупной рысью и галопом. Если дорога шла чуть в гору, он тут же переходил в галоп, по горным дорогам несся по самому краю оврагов и ущелий -- нужно было крепко сидеть в седле, чтобы не вылететь на поворотах. Я много ездил верхом, и это было истинное удовольствие промчаться десяток-другой километров на такой лошади.

Профессор Сукнев, уральский казак, с детства привыкший к верховой езде, иногда составлял мне компанию. Однажды мы даже устроили гонки.

В одну из таких поездок в селение Булатан я остановился на квартире местного учителя. Старый человек, он всю жизнь прожил в этих местах. Учитель сносно говорил по-русски. За вечерним чаем он рассказал мне о местных обычаях, поверьях, легендах. Это было очень интересно. Потом, конечно, речь зашла и о чуме.

Я рассказал ему о некоторых особенностях эпидемиологии чумы, упомянул, между прочим, что при легочной чуме часто вымирают семьи целиком.

-- А вы знаете, какое поверье существует в здешних краях о таких семьях? -- спросил меня учитель.

Я, конечно, не знал.

-- Если умирают члены одной семьи один за другим -- это значит, что первый умерший жив и тянет всех к себе в могилу. Как узнать, верно ли, что он жив? При вести на могилу коня и дать ему овса. Если есть станет, то в могиле живой. Убить его надо. Мертвый в могилу тянуть не будет. Голову отрезать, сердце взять, печенку. Нарезать кусочками и дать съесть всем членам семьи.

Рассказ учителя, как прожектором, осветил всю картину вспышки. Все стало понятно!

Рано утром я поскакал в Гадрут, тотчас же по приезде вызвал уполномоченного НКВД и рассказал ему все, что узнал от учителя.

-- Ищите какого-нибудь местного знахаря, вскрытие трупов, по-видимому, его дело, -- закончил я свой рассказ.

Через два-три часа уполномоченный вновь пришел ко мне.

-- Местная знахарка лежит в чумном ба раке, -- сказал он. -- Мне совершенно необходимо допросить ее. Я прошу вас допустить меня в чумной барак. -- А вы не боитесь? -- спросил я. -- Надеюсь, вы проинструктируете меня, как вести себя, чтобы не заразиться. Ведь врачи и медперсонал обслуживают чумных больных и не заражаются. -- Конечно,, я вас одену соответствующим образом и расскажу, как вести себя. Но у вас нет никакого опыта. Мало ли, какие могут быть случайности. Может быть, вы дадите список вопросов, и мы все выясним сами?

Нет-нет, я сам должен допросить ее.

-- Хорошо, тогда я пойду вместе с вами.

Мы оделись и пошли в чумной барак.

К сожалению, было поздно. Знахарка умирала, и ни на один вопрос нельзя было добиться ответа.

Дело подходило к концу. Уже шесть дней не было новых случаев. Инкубационный период (время между заражением и началом заболевания) при чуме -- 5 дней. Значит, все, кто заразился, уже заболели, и новых заражений нет. Можно было успокаиваться и начать свертывать работу. В ответ на мою телеграмму наркому здравоохранения я неожиданно получил приказ сжечь гадрутскую больницу, в которой лежали первые больные. Сжигать больницу было совершенно не нужно. Каменное, добротное построенное здание было трижды продезинфицировано, в том числе хлорпикрином, и не представляло решительно никакой опасности. Я сообщил об этом наркому, но получил в ответ категорический приказ немедленно сжечь больницу и донести об исполнении. Я телеграфировал вторично, ссылаясь на международные соглашения, ратифицированные и нашей страной, согласно которым сжиганию подлежат только те зараженные чумой строения, которые трудно продезинфицировать, вроде китайских фанз, шалашей и т. п.

В ответ пришла "молния", в которой предлагалось сегодня же донести об исполнении.

Это было ужасно. Сжечь хорошее здание больницы, столь нужной населению, так, зазря, я просто не мог. Когда еще им построят новое! Я понимал всю бессмыслицу этого распоряжения. Но что же я мог сделать? Если я откажусь, то сожжение поручат местным властям, и они, вероятно, это сделают, а у меня, конечно, будет куча неприятностей.

Я созвал весь свой бактериологический отряд и предложил немедленно переехать на жительство в больницу. Никто не возражал, все охотно поддержали мое предложение. Началось переселение.

Вечером я дал наркому примерно следующую телеграмму:

"Бакотряд переселился больницу, чтобы доказать полную безопасность здания. Убедительно прошу отменить распоряжение сжигания".

Ответа на эту телеграмму я не получил.

Больница была спасена.

Предстояло еще одно сложное дело. С самого начала вспышки железнодорожное движение по ветке, наиболее близко подходившей к Гадруту, было прекращено, что наносило краю большой материальный ущерб. Ходили только поезда, обслуживающие ликвидацию эпидемии, -- перевозили врачей, оборудование, питание и прочее. Никакой необходимости идти на эту крайнюю меру не было. На железнодорожной линии не было ни одного заболевания, да и проходила она в нескольких десятках километров от очага. Максимум предосторожности мог заключаться в том, чтобы ликвидировать остановку поездов на станции, ближайшей к Гадруту, и на соседних станциях. Однако все мои представления по этому поводу азербайджанским властям не имели решительно никакого успеха. Тогда была послана "молния" в двести пятьдесят слов, подробно мотивирующая необходимость восстановления железнодорожного движения, в Тбилиси секретарю Закавказского комитета ВКП(б). Движение было восстановлено через несколько дней.

Сложнее обстояло дело с вывозкой хлеба. Вместе с зерном могли быть вывезены чумные грызуны. После долгого обсуждения разрешили вывоз только перебранного зерна, при переборке которого точно установлено отсутствие грызунов.

Подобных вопросов возникало немало. И решение каждого из них было весьма ответственным.

После ликвидации чумной вспышки полагается оставить на две недели на данной территории отряд для наблюдения на случай рецидива, чего, однако, при легочной чуме почти никогда не бывает.

В течение этих двух недель мы пытались установить происхождение этой вспышки. Вопрос представлял очень большую важность. Хотя было выяснено, что не диверсанты вскрывали трупы и распространяли чуму, предположение о том, что она была внесена в этот пограничный район из-за рубежа, не было отброшено. Другая альтернатива, которая казалась мне более вероятной, заключалась в том, что в этой местности существовал эндемический очаг чумы, что чумой болели грызуны, но вспышек не было из-за отсутствия тесного контакта населения с грызунами. Местный агроном сказал мне, что в этом году большое количество хлеба оказалось необраным, это вызвало усиленное размножение грызунов и, возможно, их миграцию в район из других мест. Но никакими прямыми доказательствами этой теории мы не располагали. Чтобы подтвердить ее, нужно было обнаружить чумных грызунов. Был организован отстрел грызунов, и мы исследовали их сотнями.

Однако ни в одном случае чумной культуры выделить не удалось.

Дня за два до отъезда я зашел вечером в лабораторию. Елена Ивановна и Вера Николаевна при свете маленькой керосиновой лампочки вскрывали морских свинок.

-- Ну разве можно в такой темноте работать с чумным материалом? -- напустился я на них. -- В большой лампе лопнуло стекло, и мы не могли достать другого. Мы скоро кончим.

Это были свинки, зараженные от последнего погибшего больного, и, в сущности, не было никакой необходимости заражать их и выделять культуру, так как у меня уже имелось несколько чумных культур, которые я должен был взять в Баку для дальнейшего изучения.

Я надел халат, перчатки, марлевую маску и помог им закончить исследование. Договорились, что Елена Ивановна упакует соответствующим образом культуру в металлический футляр и положит в чемоданчик, который будет под ее неослабным наблюдением.

Местные власти торжественно проводили нас с речами благодарности. Они подарили нам бочку превосходного местного вина, которую мы захватили с собой.

На станции нас ждали те же вагоны, в которых мы приехали. Метрах в ста стояли два вагона, в которых жили уполномоченные Наркомздрава и АзЦИКа. Я немедленно отправился к ним и доложил о нашем прибытии. Они встретили меня очень приветливо, живо интересовались работой, но чувствовалось, что вопрос о происхождении вспышки продолжает их волновать.

Уполномоченный АзЦИКа почти повторил мне фразу, ранее сказанную наркомом здравоохранения:

-- Вы, профессор, у нас еще мало живете. Вы не знаете еще, какой наш край замечательный, бесподобный. Не может быть, чтоб такая гадость, чума, была у нас. Ни сам не слышал, ни от отцов, ни от дедов не слышал. И не зря от границы недалеко.

Когда я вернулся в вагон, Вера Николаевна сказала мне, что она чувствует себя плохо. Поставили градусник. Температура- около 38°. Это было тревожно.

Если у бактериолога, работающего на чумной вспышке, вдруг подымается температура, полагается немедленно его изолировать и сообщить о происшедшем начальству.

Вера Николаевна была высококвалифицированным специалистом, невозможно было предположить какой-либо недосмотр с ее стороны, да и с больными она совершенно не соприкасалась, Но все же надо было принять необходимые меры. Всех сотрудников я перевел в другой вагон. С Верой Николаевной остались Елена Ивановна и я.

Последние дни была очень слякотная погода, сильные холодные ветры. Может быть, она простудилась? Подождем до утра,

Вероятно, мы все трое почти не спали всю эту ночь. Елена Ивановна, несмотря на все мои настояния, осталась с Верой Николаевной в одном купе. В пять часов утра смерили еще раз температуру -- около 39°. Появился небольшой кашель. Больная жаловалась на боли в груди. Плохо, все было плохо. У меня очень болела голова, я принял пирамидон и пытался заснуть. Но это было невозможно. Неужели у Веры Николаевны чума? Непереносимо было об этом думать.

Голова болела все сильнее и сильнее. Смерил температуру -- 38,2.

Что же это такое? Может быть, все мы заразились, когда вскрывали последних свинок при очень плохом освещении? Мысленно проверил я каждую минуту этой работы. Все делалось должным образом. Что же это? У Елены Ивановны температура была нормальной, и только усталость от бессонной ночи наложила какие-то тени на ее лицо. Может быть, мы оба простудились, но почему только мы, те, кто работал с культурами? Все остальные члены отряда были здоровы.

В восемь часов утра я известил запиской уполномоченного Минздрава о наших заболеваниях и просил прислать врача. Врач явился часа через два. У меня очень кружилась голова, но я встал, чтобы встретить его.

В окно я увидел, что наши вагоны оцеплены военной охраной. Доктор был одет соответствующим образом, но марлевая маска, закрывающая рот и нос, была мокрой. Я сказал ему, что маска накладывается для того, чтобы через нее фильтровался зараженный воздух. Если же маска смочена каким-либо дезинфицирующим раствором, то воздух проходит мимо маски, оставаясь зараженным. Я просил его немедленно уйти и заменить маску. Он очень испугался и выскочил из вагона. Прошло полчаса. Никто не появлялся. Я написал записку уполномоченному Наркомздрава с просьбой ускорить приход врача, Но красноармеец, который стоял у выхода из вагона, сказал, что ему запрещено что-либо принимать от нас.

Через некоторое время пришел надлежащим образом одетый врач. Он осмотрел очень бегло Веру Николаевну, сказал, что у нее пока только небольшой бронхит, и удивился высокой температуре. То же он сказал, посмотрев и меня. Никакого заключения нельзя было сделать. Он обещал зайти на следующий день.

Я просил его передать уполномоченному, что нужно немедленно вызвать профессора Сукнева, который задержался в Болутане и который будет совершенно необходим здесь, если у нас окажется

чума. Кроме того, я просил пока не извещать в Баку о наших заболеваниях, так как, вероятно, это ложная тревога. Врач обещал все это передать уполномоченному.

Последующие два дня были тяжелыми. Надежда сменялась сомнениями. Тревога не оставляла ни на минуту.

-- Елена Ивановна! У меня к вам просьба, в которой, я надеюсь, вы не откажете. Вот морфий, -- я передал ей маленький пакетик, -- накормите меня им, если действительно чума. Здесь более пяти смертельных доз. Вполне достаточно, чтобы умереть без мучений.

Елена Ивановна спокойно посмотрела мне в глаза. Только губа чуть дрогнула.

Я написал письмо младшему брату, с которым был очень дружен. Старался писать спокойно. Несколько слов о нашей экспедиции. Просьба беречь мать. Прощальное объятие.

Запечатал это письмо в конверт и вложил его в другой, в котором лежала записка Сукневу с просьбой передать брату письмо. На конверте этом написал: "Письмо написано в резиновых перчатках и маске". Подчеркнул эту фразу. Боялся, что письмо сожгут и не передадут.

Бочка с вином осталась у нас в вагоне. Я вспомнил, что Д. К. Заболотный в маньчжурскую эпидемию поил шампанским всех заболевших врачей. Как жалко, что я не вспомнил этого, когда заболел Марголин! Наше вино было лучше всякого шампанского. И понемножку я пил его. Вера Николаевна пить вино не хотела. Температура у нее была около 40°. Она немного кашляла и к вечеру стала жаловаться на боли в суставах. Это уже было не похоже на чуму. Конечно, жадно ловился каждый симптом, который говорил бы против диагноза чумы. Я выпил еще стакан вина, принял большую дозу снотворного и заснул.

На следующее утро я проснулся весь в поту, все белье было мокрое. Страшная слабость. Еле протянул руку за градусником. Температура упала, чуть больше 37°. Ура! Этакого при чуме не бывает.'

У Веры Николаевны температура держалась, но суставы явно опухли, и кашель не усилился. Надежда на благополучный исход крепла. Вечером пришел врач. Он сам смерил температуру. У меня уже была нормальная, у Веры Николаевны больше 37°, опухшие суставы, резко выраженный бронхит, в легких чисто, лимфатические узлы в норме. Диагноз чумы отпал. Все же нас продержали в карантине еще пять дней.

Нарком здравоохранения встретил меня очень ласково. Жал руку. Благодарил. Сказал, что меня представляют к ордену Красного Знамени и выбирают в кандидаты АзЦИКа. Но он продолжал утверждать, что чума была занесена извне. Вопрос представлял громадную важность для края. Если чума была местной, эпидемической, то необходимо организовать на месте наблюдательную станцию, следить за эпизоотиями у грызунов и т. п. Если же это занос, то надо усилить санитарную охрану границы.

В библиотеке просмотрел не только медицинские журналы, но и отчеты разных медицинских обществ, больниц, санитарных врачей и тому подобное за последние пятьдесят лет. Что же оказалось? Еще в дореволюционное время в очень близком районе была вспышка чумы. Во время первой мировой войны в бакинскую больницу из близкого района был доставлен больной бубонной чумой.

Таким образом, по соседству с Гадрутом чума была и раньше, о чем просто забыли. Вспышка в Гадруте была связана, по-видимому, с тем, что сюда мигрировала из соседнего района масса грызунов, так как зерновые посевы в этом году здесь не были убраны полностью.

Наркомздрав согласился в конце концов с этими доводами. Учредили наблюдательную станцию, и вспышек в этом районе больше не было

Судьбе было угодно, чтобы обещанный орден я получил только через тридцать пять лет, в день моего семидесятилетия, ну, а из членов АзЦИКа я быстро выбыл в качестве "врага народа". А вот участь чудесного вина, привезенного из Гадрута, осталась мне неизвестной.